

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ**

Когнитивные исследования

**РЕАЛИЗМ И КОНСТРУКТИВИЗМ
КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА***

А.С. ИГНАТЕНКО

Предлагаемая статья отчасти является обзором развивающейся не первый год дискуссии между радикальными и умеренными сторонниками логической семантики и ее радикальными и умеренными критиками в современной российской философии. Свою позицию в этом споре автор могла бы охарактеризовать как позицию взаимодополнительности, т.е. утверждения равноценности для эпистемологии двух конкурирующих стратегий в философии языка: аналитической англо-саксонской философии и логической семантики как ее методологической и концептуальной основы, — с одной стороны, и постмодернистской континентальной традиции и постструктурализма как его методологического и терминологического ресурса, — с другой. Предлагаемая мной установка на сочетание этих двух традиций, однако, уже имплицитно содержится сегодня даже в утверждениях тех, кто причисляет себя к аналитическим философам, поскольку они, не всегда отдавая себе в этом отчет, исходят из онтологических установок, несовместимых с аналитической философией в ее «чистом» виде, неявно используя наработки постструктуралистов. Автор приходит к выводу об обоснованности утверждения Р. Рорти о наступлении постаналитической фазы в современной философии и иллюстрирует этот процесс примерами из современного российского философского дискурса.

1. Фреге: два способа понимания

Проблема противостояния двух типов философии языка — аналитической и структуралистской — и связанное с этим противостоянием разделение на англо-саксонскую и континентальную (под которой прежде всего понимают французскую) традиции мысли — это, прежде всего, проблема несовместимости двух принципиально разных

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Значение языковых выражений и понимание», грант № 12-03-00588.

типов реальности, в системах каждой из которых, в свою очередь, определяются и фундаментальные философские понятия: знание, истина, объект, субъект и т.п. Основы аналитической философии и ее методологического ядра — логической семантики, которую принято начинать с Готлоба Фреге, создавались исходя из реалистских метафизических предпосылок. Казалось бы, здесь все ясно: платоник Фреге полагал реально существующим «третий мир»¹, царство чистой мысли, в котором наравне со «столами» и «стульями» существуют такие абстракции, как «истина» и «ложь». Именно это позволило ему защищать ошеломляющую идею о том, что предложения — есть имена, а их значением (денотатом, номинатумом) является «истина» или «ложь». И именно благодаря вере в такие интеллигибельные сущности у Фреге различие между значением и денотатом действительно оказывается несущественным: ведь платоновские эйдосы и впрямь являются одновременно и вещью, и идеей этой вещи. Познание, по Фреге, заключается либо во взаимодействии разума с этим миром и извлечении из него истинных отношений между вещами, как это происходит в области логики и математики, либо же представляет собой «схватывание» объективно существующих внешних предметов, вещей, независимых от нас и нашего акта «схватывания»². Но это, как я уже пыталась показать, — по сути одно и то же³. Неважно, какова природа вещи, главное, чтобы она была устойчивой, постоянной и доступной познанию. «Если все вещи не были бы прочными и вечными, а находились в постоянном потоке, то мир перестал бы быть познаваемым и все перепуталось»⁴.

Таковы очевидные основания интерпретировать мысль Фреге в реалистском ключе, и именно этими основаниями воспользовались его последователи — аналитические философы. И именно эту логику реконструирует и Александр Леонидович Никифоров в своей недавно вышедшей книге «Структура жизненного мира человека»⁵, где он предпринимает рискованную, но весьма продуктивную попытку открыто и осознанно объединить наработки аналитической и постструктуралистской философий, т.е. создать синтез двух конкурирующих течений в философии языка.

Разумеется, Никифоров проницательно начинает свой проект с анализа понятия смысла у Фреге, обоснованно связывая проблему смысла с проблемой существования физических объектов или предметов. Никифоров практически с первых строк указывает нам на то обстоятельство, что опорным концептом фрегевской системы является понятие функции. Далее Фреге определяет предмет: «Предметом является все то, что не есть функция»⁶. Как мы видим, определение предмета у Фреге негативно, оно отбрасывает концепт предмета на периферию концептуальной системы, центрированной вокруг концепта «функция». Это обстоятельство дает нам основание сделать вывод,

что Фреге не интересуют предметы или вещи, его интересуют формулы языка, т.е. отношения предикации. В этом примате отношений над элементами угадывается структуралистский посыл и основание теории смысла, которая будет развита постструктуралистами и прежде всего – Делёзом. И действительно, Фреге определяет смысл как функцию. Однако он, как известно, не отказывается и от значения, определяя через него смысл как «конкретный способ задания данного обозначаемого». Таким образом, у Фреге есть те самые два измерения: структурное и референциальное, которые потом лягут в основание двумерных семантик. В этом смысле Фреге предвосхищает и Фердинанда де Соссюра, который, выделив эти же два аспекта языка, сконцентрировался на структурном аспекте смысла. То, что у нас сейчас складывается впечатление, будто Фреге, напротив, приписывал более значимую роль значению – скорее всего заслуга его учеников: Рассела и Карнапа, которые полагали, что отношение предикации укрепляет реалистскую онтологию и вещь как ее центральное понятие.

Эту проблему поднимает В.И. Шалак в статье «Логика функций vs логика отношений»⁷, где, как я понимаю, он отстаивает ту точку зрения, что между этими двумя логиками нет качественного различия. Неслучайно он вспоминает в этой связи Лейбница, любимого философа Жюль Делёза, релятивистская метафизика которого могла помочь увидеть философию Фреге в отличном от реалистского ключе: ведь функция как раз и схватывает отношение, которое образует субъект и предикат как свои эффекты.

Рассел подошел к проблеме вплотную, когда упрекнул школьную логику в наивном стремлении вывести из высказывания об отношении суждение о существовании субъекта, которому предсказывается некоторое свойство⁸. Но сам он, как и Рудольф Карнап, кажется, не смог увидеть логику Фреге в перспективе примата отношений над сущностями, оставшись в поле онтологического реализма.

2. Аналитическая философия, реализм здравого смысла и объективное познание

Ученик Фреге Р. Карнап сохраняет лишь вторую сторону познания – как чувственного восприятия наблюдаемых предметов (вещей) и их свойств. Здесь следует сделать оговорку с целью возразить специалистам, утверждающим, что Р. Карнап нигде в явном виде не формулирует реалистских максим и даже там, где подобные рассуждения были бы весьма уместны – в работе «Философские основания физики» – всеми силами стремится избежать четкого ответа на вопрос о существовании объективной реальности. Объяснение этого обстоятельства, однако, на мой взгляд, лежит не в теоретической, а в психологической плоскости: в случае Карнапа мы имеем дело с проявлением весьма распространенного среди фило-

софов стремления застраховаться от каких бы то ни было нападков со стороны оппонентов. Понятно, что открыто заявленная позиция реализма делает ее сторонника весьма уязвимым со стороны критиков. Главной проблемой становится определение познавательного статуса теорий, оперирующих ненаблюдаемыми объектами («такими как элементарные частицы или электромагнитные поля»⁹). Поэтому Карнап пытается усидеть на двух стульях: с одной стороны, он хочет сохранить разделение знания на научное и ненаучное: именно с этих позиций он критикует «ненаучную» с его точки зрения концепцию энтелехий Дриша¹⁰. С другой стороны, он понимает, что знание пребывает в динамике, что то, что считается законом сегодня, завтра таковым может уже не считаться¹¹, и это существенно подтачивает реализм. Конечно, из этого затруднения может быть простой выход: изменяются не только законы физики, но и сами законы мышления. И тогда мир — пусть даже он существует совершенно объективно — будет познаваться и описываться по-разному в зависимости от того, какая модель мышления применяется для его познания и описания. Но именно этого Карнап признавать и не желает: принципы классической логики являются у него единственным, что неизменно для всех эпох и всех возможных миров¹².

Мы понимаем, что фактически Карнап повторяет идею Канта: неизменность принципов мышления гарантирует стабильность мира вещей. Конечно, от позитивизма тогда не остается камня на камне, поскольку Карнап делает как раз то, на что Фреге наложил запрет — ставит мир предметов в зависимость от схем мышления, сам того не замечая. Но на конечном результате это практически не сказывается (поскольку мышление-то все равно одинаковое у всех и неизменно во все времена). Как бы то ни было, сильно завуалированное кантианство Карнапа может быть эффективно вскрыто лишь на материале его более позднего сочинения «Философские основания физики», созданного по материалам лекций второй половины 1940-х годов уже в 60-х (книга вышла в 1966 г.). В 1930-е гг. наиболее фундаментальным подтверждением протокольного предложения для Карнапа будет предложение типа «Я воспринимаю то-то и то-то». Вплоть до указания на время в форме «Я воспринимаю такие-то и такие-то положения стрелок»¹³. Не то чтобы Карнап не понимал возникающих в связи с такой постановкой вопроса проблем. Он их осознает и даже формулирует в виде проблемы «методологического солипсизма»¹⁴, который заключается в уникальности и непередаваемости собственных ощущений другому, что противоречит общезначимому характеру научного знания. Выходом для Карнапа является разновидность инструментализма. Вкратце его можно сформулировать так: да, мы осознаем метафизические затруднения, которые влечет реализм и физикализм, но, чтобы сохранить возможность отличать науку от не-

науки мы волевым жестом введем запрет на развитие метафизических следствий теории протокольных предложений. Фактически Карнап один из первых прибегнул к уловке, заключающейся в том, чтобы сказать, что онтологический статус денотатов – это вопрос, выходящий за рамки логической семантики.

Таким образом, я пытаюсь показать, что схема у Фреге и Карнапа, пока они остаются в зоне действия семантической теории, одна и та же: есть устойчивый, существующий независимо от нас мир вещей (какова бы ни была их природа), и есть мы, способные познать этот мир в объективности его отношений с помощью разума¹⁵. Естественно, язык в этом случае – просто набор меток, соответствующих вещам (т.е. номенклатура). Средствами языка вещи приписывается свойство, что обеспечивает пропозициональную схему высказывания. Вещь может обладать рядом свойств, что позволяет уподобить ее аргументу, а свойство – функции, так что, изменяя значение аргумента, мы меняем и значение функции.

В итоге реальность, из которой – чаще всего имплицитно – исходит современный аналитический философ, М. Дэвитт и К. Стивенли в своей работе 1999 г. «Язык и реальность» охарактеризовали так: это реализм, причем «наш реализм касается наблюдаемых сущностей, в особенности сущностей здравого смысла. Поэтому, возможно, более подходящим названием для нашей доктрины было бы “реализм здравого смысла”»¹⁶. Напомним, что еще Б. Рассел называл свою философию аналитическим реализмом, заявляя, что «нет никаких оснований не доверять наивному реализму, который верит, что данные чувств идентичны физическим объектам и продолжают существовать без изменений после ухода наблюдателя»¹⁷. Таким образом, аналитический реализм Рассела основывается на наивном реализме. Что-то в этом роде предлагают и наши авторы, далее вынужденные, однако, признать, что их реализм здравого смысла испытывает трудности с аккомодацией научных понятий вроде кварков.

Здесь, впрочем, Дэвитт и Стивенли пытаются несколько преуменьшить масштаб проблемы: вставая на позицию реализма здравого смысла, мы оказываемся неспособными оперировать не только понятиями из новейшей физики, но и вообще никакими, даже самыми необходимыми научными понятиями. Реализм здравого смысла с его принципом наблюдаемости не может справиться с такими естественными для любого современного человека словами, как экватор, вирус или электрон, поскольку все эти понятия существуют не как маркеры единичных, всеми наблюдаемых физических вещей, а как элементы сложных систем смысла, каковыми являются любые научные теории. Поэтому «реализм здравого смысла» по сути может работать мировоззренческой матрицей для ребенка лет четырех, да и то не слишком одаренного интеллектуально.

Онтологическую презумпцию здравого смысла, который также может быть назван обыденным сознанием, неявно разделяемую всеми сторонниками формальной семантики, уже давно и последовательно критикует А.Л. Никифоров¹⁸, указывая на конструктивную функцию языка. Позднее мы еще вернемся к его концепции конструктивной функции языка, когда перейдем к рассмотрению постаналитических стратегий в проблемном поле философии языка.

Пока же заметим, что даже оставаясь в рамках простейших (далеких от сложных научных построений) высказываний типа «Снег бел», «Уголь черен», логическая семантика не может чувствовать себя в безопасности, ибо ей угрожает еще один враг – контекстуализм.

Проблема контекста – прямое следствие ухода из фрегеанской платонической метафизики в пределы реализма здравого смысла и чувственно постигаемого мира физических объектов. Контекстуализм как вызов проекту логической семантики черпает силы из того раскола, который существует между миром сознания и миром физических объектов, коль скоро он постулируется независимым от сознания. Из мира логического, мира языка нет непосредственного выхода в мир чувственно воспринимаемых феноменов, и неспособность средствами языка и логики схватить физический объект в его уникальности и единичности, выраженная принципом обратного соотношения содержания и объема понятия, компенсируется принудительным ограничением понятия, осуществляемым жестом указания¹⁹. Контекст делает излишним бесконечное развитие понятия, на которое оно было бы обречено в противном случае. Еще Р. Карнап прекрасно понимал, что его принцип однозначности, т.е. возможность соотнести с выражением лишь один единственный объект, выполняется только в определенном контексте. Он разрабатывает понятия экстенционала и интенционала, сопоставляя их с концептами номинатума (значения, денотата) и смысла Фреге, и основанных на них экстенциональных и интенциональных контекстов. Однако, как это подробно показывает Е.В. Вострикова в своей статье «Семантика vs. прагматика: современные подходы»²⁰, в дальнейшем приверженцы формальной семантики, чтобы повысить степень формализации языка, решили избавиться от сопротивляющегося ей смысла, оставив лишь значение. И, как мы можем заключить, фактически потеряли вместе со смыслом естественный язык.

Одной из попыток, возможно, самой распространенной, как, по крайней мере, это выглядит в статье Востриковой, уйти от влияния контекста явилось отождествление в рамках логической семантики контекстуального и индивидуального: роль контекста объясняется ограниченностью интерпретативных способностей участников языковой коммуникации. Поэтому воздействие контекста на определение значения выражения стали называть прагматическим воздействием,

что в свою очередь дало некоторым исследователям предлог повторить в несколько усовершенствованном виде аргумент Карнапа, что коль скоро проблема контекста относится к прагматике, а не к семантике, то она не имеет никакого отношения к вопросу о том, каково буквальное значение данного предложения²¹! Если восстановить этот фрагмент дискуссии, то мы имеем следующее: контекстуалисты утверждают, что никакого буквального значения у предложения нет, поскольку оно всегда меняется в зависимости от контекста, а сторонники теории значения возражают, что то, что никто конкретно не может это буквальное значение установить, относится не к семантике, а к прагматике, и не имеет отношения к буквальному значению предложения! Но рассуждать так может только платоник, который верит в объективное существование идей независимо от их постижения тем или иным человеческим сознанием! То есть единственным онтологическим основанием логической семантики (очищенной от прагматики) может быть идеализм Платона – Фреге.

Конечно, чтобы сегодня признаться в том, что веришь в третий мир и идеальные сущности, нужно обладать не только подлинным аристократизмом философского вкуса, как об этом писал в свое время Ницше²², но и недюжинным мужеством, особенно в аналитических кругах, готовностью рисковать своей «академической репутацией», что является свидетельством внутренней свободы, почти недостижимой в условиях современного российского философского академического сообщества. Поэтому там до сих пор царит специфическая онтологическая нерешительность, которую некоторые мыслители даже пытаются возвести в принцип: мол, мы не занимаемся онтологической проблематикой, мы занимаемся семантикой. Но, как совершенно справедливо заметил Никифоров, на страницах философских журналов «важно соотносить рассмотрение конкретных проблем эпистемологии, логики, семантики с более широким философским контекстом. Тогда это становится интересно»²³. К тому же заявленная установка на чистоту семантики, ее ограниченность от прагматики и онтологии не достижима в принципе.

Обратимся, например, к аргументации Е.В. Востриковой, к которой она прибегает, оппонируя Никифорову в рамках дискуссии об онтологическом статусе референтов имен собственных. Пытаясь отвести критическое замечание Никифорова о том, что самотождественный с точки зрения логической семантики единичный объект, именуемый именем собственным, фактически распадается на серию различных объектов во времени, Вострикова заявляет, что предложение «Петр, когда он был маленький, любил играть в теннис, а сейчас он совершенно не играет» *вполне ясно понимается* (курсив мой – А. И.) носителем русского языка. Так же как *мы успешно можем понять* (курсив мой – А. И.) предложение «Петр понимает, что его детские страхи до

сих пор оказывают на него влияние»²⁴. Но ведь все это — аргументы от прагматики! Так же как и следующий приведенный ею тут же пример с диалогом:

- Принеси мне тот удобный стул.
- Хорошо, только он совершенно неудобный²⁵.

Е.В. Вострикова приводит этот диалог, чтобы показать, что приписывая совершенно различные свойства объекту «стул», собеседники, однако, прекрасно понимают, что «он» указывает на «стул», т.е. стул воспринимается как тождественный самому себе. Однако она как будто совершенно не замечает, что это понимание обеспечивается исключительно средствами контекста, а отнюдь не благодаря некоему объективно существующему, независимому от прагматики значению, существование которого постулирует семантика.

Напрашивается вывод о том, что подобный методологический релятивизм вообще является меткой современной аналитической философии. Например, свою статью, направленную, между прочим, против релятивизма, Е.В. Вострикова заканчивает цитатой: «Верно то, что большинство академических философов в англоязычном мире видят под именем “релятивизм” признак теоретического коллапса, и немногие желали бы защищать какую-либо версию этой доктрины»²⁶. Таким образом, философы, формально защищающие абсолютистское понимание истинности, делают это не из соображений той же абсолютной истинности этой доктрины, а из политических, т.е. прагматических и, значит, релятивистских соображений, и даже не стесняются в этом признаться. Какие еще доказательства в пользу релятивизма требуются после этого?

Конечно, все эти удивительные обороты в развитии дискуссии о природе понятия отлично вписываются в постмодернистскую парадигму схизиса, шизо или расщепления, характеризующуюся резкой прагматически ориентированной сменой перспектив или онтологических основ и являются наиболее красочными свидетельствами того, что мы уже давно находимся в поле постаналитической мысли, где терминология классической логики непринужденно сочетается с постмодернистской методологией. Именно о постмодерне мы теперь и поговорим.

3. Структурализм, постмодернизм и конструктивизм

Фактически параллельно с проектом логической семантики развивался альтернативный структуралистский проект, и если основателем первого считают Готлоба Фреге, то у истоков второго стоит Фердинанд де Соссюр. Примечательно, что Соссюр как раз и был представителем психологизма, с которым ожесточенно боролся Фреге, хотя если присмотреться внимательнее, различие между ними начинается стремительно размываться (как я показала это выше, обнаружив у

Фреге структуралистский посыл благодаря его понятию функции). При первом приближении, тем не менее, они расходятся во всем. Фреге защищал реализм и существующие независимо от схватывания человеком в акте познания предметы, гипостазировал царство чистой мысли²⁷ и идеальные объекты. Соссюр в своем отношении к реальности выглядит подлинным феноменологом: он не желает рассуждать о вещах, и сразу оставляет в стороне язык-номенклатуру²⁸, с которым фактически имеет дело Фреге. Строго говоря, подход Соссюра весьма близок эмпиризму Юма, с той только оговоркой, что он пытается построить не систему человеческой природы, а систему языка. Поскольку он считает себя лингвистом, а не философом языка, то и начинает свое классическое исследование «Курс общей лингвистики»²⁹ с вопроса о том, что является предметом лингвистики как науки. И здесь он обнаруживает речевую деятельность (langage) и собственно язык (langue). В принципе было бы основание соотнести речевую деятельность с прагматическим аспектом, а язык — с семантическим, с той только разницей, что основывается этот второй принцип не на значении, а на смысле. Эта замена значения на смысл, как мы увидим, является ключевой: она полностью изменит онтологическую подкладку под теорию языка, выработанную Соссюром и развитую структуралистами и постмодернистами. Если Фреге считает идеи заранее дифференцированными, т.е. изначально существующими как отдельные вещи, только идеального качества, то Соссюр полагает, что до выражения в языке имеется некая мысль (pensée) как недифференцированная, «неартикулированная аморфная масса»³⁰. Язык же является для мысли средством артикуляции, «сферой артикуляции». «Речь идет о том в некотором роде мистическом акте, что “мыслезвук” подразумевает членение, и что язык вырабатывает свои целостности, конституируясь между двумя аморфными массами (звука и мысли)»³¹. Вообще говоря, сказать такое — в онтологическом плане — то же самое, что сказать, что язык создает вещи, поскольку понятно, что физическая вещь не может существовать в своем артикулированном состоянии до артикуляции ее идеи в сознании. (В противном случае мы имели бы фрегеанскую модель, и понятие получало бы свою артикуляцию не благодаря языку, а благодаря физической чувственно воспринимаемой вещи.) Следовательно, в отличие от Фреге, который устанавливает «вертикальную» связь между отдельной (идеальной) вещью и знаком, ее именующим, тем самым основывая механизм существования слова и выражения на самотождественности (идеальных) вещей и получающих от них свою самотождественность понятий, т.е. на отношении именованного или референции, Соссюр задает «горизонтальное» измерение между множеством знаков, входящих в язык, в котором знаки существуют благодаря отличию друг от друга. Ни о какой референции в таких условиях не может быть и речи. Зато

есть неартикулированная аморфная масса смысла, в которой, подобно волнам на толще морской воды, частично поднимаются над своим недифференцированным основанием «до некоторой степени» определенные целостности понятий. При этом, как неартикулированная масса идей начинает образовывать целостности под воздействием языка, так и неартикулированный поток звуков языка начинает делиться на части, «чтобы обеспечить означаемые, в которых нуждается мысль». Так что процесс артикуляции является обоюдным и для языка, и для смысла.

Это – удивительная модель, невероятно смелая и звучащая непривычно даже для современного человека, тем более новаторская, что создана она была в самом начале XX столетия! Несмотря на то, что при первом приближении она выглядит в высшей степени метафизично, именно с ней начали связывать надежды на придание различным областям гуманитарного знания строгости после провала формализации естественных языков в рамках проекта логического позитивизма к концу 30-х гг. Эта новая стратегия придания строгости гуманитарным областям знания была противоположна задумкам Фреге еще и в том смысле, что Фреге мечтал свести математику к логике как некоему протоязыку, идеально правильному языку, оторвав ее (математику) от геометрии, а структурализм, напротив, привязал знаковые системы, включая и естественные языки, к геометрии через понятие структуры, показав, что и математика представляет разновидность геометрии. Таким образом, противостояние Фреге и Соссюра – это также и противостояние пан-логицизма пан-геометризму, а математика как идеал строгости и упорядоченности предстает либо логической (Фреге и логические позитивисты), либо геометрической (структурализм и постмодернизм) дисциплиной, повышая научный статус формализованных языков в первом случае и различных областей гуманитаристики (лингвистика, этнология, психоанализ, литературоведение, религиоведение) во втором.

Однако главное различие онтологических позиций Соссюра и Фреге заключается в том, что у Фреге человек застает мир уже в готовом виде, и ему остается его лишь познать благодаря данному ему разуму, в то время как Соссюр фактически оставляет человеку свободу созидания собственного мира и собственного сознания (а, значит, и самого себя), поскольку, как это покажет в «Различии и повторении» в сильнейшей степени обязанный «Курсу общей лингвистики» Делёз, существует бесчисленное множество вариантов артикуляции, т.е. дифференциации, а значит из аморфной массы идей можно «вырезать» самые различные вещи, творить самые различные миры!

Переход от философии значения к философии смысла означает не просто переход из готового, созданного Богом мира в мир, который перманентно творится и перекраивается самим человеком, переход от

теории познания к теории творчества. В контексте философии смысла многие концепты, принятые в философии значения, начинают работать иначе. Среди них и концепт понимания.

Понимание: важен и смысл, и значение!

Дело в том, что с точки зрения семантики акт понимания есть акт восприятия знака и определения стоящего за ним означаемого, в наиболее общем случае — вещи. Понятие понимания задается в паре с непониманием, т.е. с такой ситуацией, когда мы можем воспринять знак и не подобрать к нему «объективно» закрепленной за ним вещи, поскольку она нам неизвестна. Концепт понимания действителен в контексте языка-номенклатуры и сводится к поиску означаемого, соответствующего данному означаемому. Понятно, что такой поиск оправдан лишь если мы уверены, что перечень означаемых и означающих в общем остается неизменным и между ними установлено жесткое соответствие. Это — классическая расселовская ситуация, описываемая в терминах значения. В случае с сосюррианской реальностью смысла понятие понимания теряет свою определенность. Объективно существующих «вещей» в ней нет. Зато есть неартикулированный поток речи. Понимание в данном случае сводится к выявлению в этом потоке максимума различий и как таковое оно перестает быть дискретным (либо понял, либо нет), но пробегает широкий спектр значений, причем практически недостижимо как нулевое понимание, т.е. непонимание, так и абсолютное, полное понимание. Благодаря контексту мы всегда поймем хоть что-то, как минимум — что мы являемся адресатом некоего послания (в той мере, в какой философия смысла в принципе трактует реальность как знаковую). Далее, в зависимости от степени нашей вписанности в данную знаковую ситуацию мы сможем выделить в этом потоке сообщения больше или меньше отдельных событий смысла, неких пиков, которым мы сможем присвоить некоторую ценность. Конечно, было бы проще и привычнее сказать, что мы выделили в потоке речи слово, поскольку узнали за ним вещь, но философия смысла не работает с этими концептами. Вещей нет, есть лишь море знаков, и все, что мы можем, это эмоционально связать одни знаки с другими, причем в результате этой связи сами эти знаки как раз и возникают, артикулируются. Разумеется, такие связи на протяжении жизни характеризуются устойчивостью. Именно эта устойчивая эмоциональная (энергетическая) связь и называется ценностью: она создает, вырезает из моря различий, квазиустойчивые знаки, создающие иллюзию стабильности мира вещей. Смысл, ценность, энергия — эти понятия в данной философии означают одно и то же и у них есть одна характеристика — интенсивность. С точки зрения философии смысла, нельзя понять или не понять: можно понять с разной степенью интенсивности.

Однако, совершенно очевидно, что в жизни мы задействуем оба эти типа понимания. Высказывание: «Уголь черен» мы понимаем первым способом, а высказывание «Все разумное действительно, все действительное – разумно» – вторым. Более того, в повседневной практике эти два типа понимания могут сочетаться даже в рамках одного предложения. Поэтому анализируя концепт понимания, мы приходим к выводу о необходимости сочетания двух философий языка и двух стратегий: аналитической (семантической) и постструктуралистской (философии смысла).

Постаналитическая философия

Аналогичным образом, если подходить к проблеме с онтологической позиции, очевидно, что мы не можем оставаться только на метафизических позициях аналитического реализма или же радикального конструктивизма. С одной стороны, мы всегда застаем себя в уже готовом мире, с другой – в нашем распоряжении есть достаточно ресурсов, чтобы подправлять этот мир в соответствии со своими потребностями. Главный из них, разумеется, воображение. Поэтому нам приходится все время чередовать эти две онтологические установки. У нас нет иного выхода, нежели, по совету Ницше, упражняться в смене перспектив.

Именно это обстоятельство породило двумерные семантики и сделало известным имя Дэвида Чалмерса, который в своей широко цитируемой работе «Основания двухмерных семантик»³³ отдает дань многим своим предшественникам, незаслуженно обходя, тем не менее, Фердинанда де Соссюра, который одним из первых показал, что теория языка может быть выстроена на двух альтернативных основаниях: значения и смысла. Может быть именно потому, что Чалмерс не знаком с теорией смысла, выношенной в лоне структурализма, его концепция не достигает поставленной задачи: Чалмерсу не удается создать убедительную теорию смысла, поскольку он пытается сделать это из перспективы теории значения. Он не готов пожертвовать значением, но суровая правда такова, что *значение и смысл являются элементами различных концептуальных и онтологических систем, поэтому либо мы сохраняем значение, теорию референции и вещи, либо отказываемся от вещей, значения и с помощью совершенно иных механизмов выстраиваем теорию смысла*. Если мы создаем теорию, которая эффективно сочетает смысл и значение, то эта теория уже никак не может именоваться семантикой, поскольку семантика имеет отношение только к одной из ее равноправных частей, одной из двух философий, которые могут в теоретическом плане существовать по принципу взаимодополнительности, а в методологическом – последовательно сменять друг друга в зависимости от потребностей конкретного исследования.

В той мере, в какой подобный подход, совмещающий взаимодействие полноты и прагматизм, впервые в явном виде предложила постмодернистская мысль, есть все основания использовать термин «постаналитическая философия»³³. Его использует, в том числе, хоть и по иным мотивам, и А.З. Черняк в своей статье «Эпистемическое измерение смысла»³⁴, где, критикуя двухмерную семантику Чалмерса, он указывает на все те проблемы, которые можно связать с аналитическим проектом в целом: сомнительность идеи априорности (которая является по сути всего лишь вариантом фрегеанского платонизма); вызов контекстуализма; ригидность теории значения в отношении изменения смысла и т.д.

Мне кажется обоснованным отнести к постаналитической традиции и упоминавшуюся выше концепцию А.Л. Никифорова, который, разрабатывая понятие смысла и основывая на нем процесс конструирования человеком своего жизненного мира, сохраняет одновременно и общество, различая в нем, в свою очередь, общечеловеческий и национальный уровни. В своей новой книге «Структура и смысл жизненного мира человека»³⁵ Александр Леонидович, как бы смело это ни звучало, выстраивает модель реальности, весьма близкую Мишелю Фуко. И это несмотря на все стилистическое неприятие постмодернистской традиции, о котором он эмоционально заявляет в начале данной работы. По Никифорову, человек упорядочивает мир и конструирует его объекты благодаря языку³⁶ (у Фуко — дискурс), а язык заимствует из общества³⁷. Фуко говорит об эпистемах — социальных структурных инвариантах дискурса в конкретный период. Хотя в отдельных случаях человек способен пробиться сквозь жесткие социальные шаблоны к новому, именно такой прорыв и называется творчеством, и он требует воли и мужества³⁸. У Фуко осознание такой возможности появляется в последний период его философского творчества в рамках темы «герменевтики субъекта».

Основание отнести его к постаналитикам дает также П.С. Куслий своим инструменталистским выводом о том, что «рассмотрение истины как абстрактного объекта, являющегося денотатом предложений, остается в лучшем случае гипотезой или техническим приемом, который оказывается весьма удобным»³⁹. Вторым основанием является то обстоятельство, что он, как и Никифоров, не приемлет «наивный реализм» в качестве онтологического основания своей философии языка. В противном случае он не счел бы проблематичным ответить на вопрос, на каком основании можно считать денотатом предложения «Снег бел» объект Истина. Ведь если бы он разделял позицию реализма в духе Рассела, то для него то, что он видит снег и видит его более или менее белым было бы достаточным основанием для утверждения истинности высказывания «Снег бел».

Выше я уже приводила прагматический аргумент, к которому прибегла Е.В. Вострикова в одной из своих статей: это обстоятельство само по себе компрометирует ее как «аутентичного» аналитического философа, позволяя зачислить ее в ряды постаналитиков. Но, пожалуй, гораздо более очевидным критерием является ее приверженность к индексикализму – методу, обнаруживающему сильнейшую зависимость от структурализма. Впрочем, это утверждение требует глубокого анализа, который я постараюсь предпринять в ближайшем будущем.

Вывод из всего вышесказанного вполне рортианский: аналитическая философия в чистом виде более невозможна. Эта мысль также проводится и в статье В.А. Ладова «Онтологическая проблематика в аналитической философии»⁴⁰, однако, на мой взгляд, Всеволод Адольфович не смог выявить онтологическую основу антиреализма, сохранив для обоих случаев – реализма и антиреализма – семантику и теорию значения. Мне также не кажется удачным термин антиреализм как реактивный, образованный благодаря отрицанию, в то время как философия, с ним связанная, имеет свои позитивные онтогносеологические (или, в терминологии Ладова, онтоэпистемологические) основания. Эти слабости концепции у Ладова, как и у Чалмерса, связаны с тем, что он фактически игнорирует постструктурализм, который, тем не менее, скользь упоминает. Изложив концепцию Куайна, он не отдал должного постаналитической концепции Рорти, которая, возможно, привела бы его к постмодернистскому концепту смысла, поэтому его антиреализм представлен крайне бедно и так и не обретает позитивного определения (я предлагаю в качестве такого термина «конструктивизм»). И, тем не менее, в главном Ладов безусловно прав. Быть аналитическим философом в собственном смысле слова означает быть позитивистом и реалистом, оставаясь в единственном, упрощенном увиденном, исходном, матричном мире, соответствующем обыденным представлениям. Но мало кто сегодня желает столь радикально обеднять свою реальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конечно, концепция «третьего царства» была сформулирована Фреге не сразу. В «Основных законах арифметики» он стремится уйти от ответа на вопрос о том, «где» находятся числа, фактически заявляя, что этот вопрос является своего рода ловушкой, которую познанию расставляет язык и обыденные представления. На самом деле «не каждый объективный предмет обладает местом». Но радикально это дела не меняет. Не зря Делёз позже напишет о некотором «сервон» (обратно прочитанное *power* – «нигде») (Фреге Г. Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа / пер. В.А. Суровцева. – Томск: Водолей, 2010. С. 43).

² «Если мы вообще хотим выйти за пределы субъективного, мы должны понимать познание как деятельность, которая не создает познаваемого, а лишь

схватывает существующее. Образ схватывания хорошо подходит для уяснения вопроса. Если я схватываю карандаш, то в моем теле совершаются различные изменения: происходит возбуждение нервов, меняется напряжение и сокращение мышц, связок и костей, изменяется циркуляция крови. Но совокупность этих процессов не есть карандаш и не порождает его. Последний существует независимо от этих процессов. И для схватывания существенно, что имеется то, что схватывается; одни только внутренние изменения не являются еще схватыванием. Так и то, что мы мысленно схватываем, существует независимо от этой нашей деятельности, от тех представлений и их изменений, которые принадлежат к этому схватыванию или его сопровождают; оно не есть ни совокупность этих процессов, ни создается ими как часть нашей душевной жизни» (Цит. по: Готлоб Фреге: современный взгляд // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. Сб. трудов / пер. с нем. Б.В. Бирюкова. – М., 2000).

³ Об этом же пишет в своей статье «Онтологическая относительность» и У. Куайн: «Главное возражение натурализма против этой позиции состоит не в том, что значения объясняются как мысленные сущности... Главное возражение сохранилось бы даже в том случае, если бы экспонаты под ярлыками были не мысленными сущностями, а платоновскими идеями или даже конкретными объектами – денотатами» (*Куайн У.* Онтологическая относительность / пер. с англ. (сокр.) А.А. Печенкина. – <http://philosophy.ru/library/quine/quine2.html>).

⁴ *Фреге Г.* Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа / пер. В.А. Суровцева. – Томск: Водолей, 2010. С. 11.

⁵ *Никифоров А.Л.* Структура и смысл жизненного мира человека. – М., 2012.

⁶ Цит. по: *Никифоров А.Л.* Структура и смысл жизненного мира человека. С. 41.

⁷ См.: *Шалак В.И.* Логика функций vs логика отношений // Логические исследования. Вып. 16. – М., 2010. С. 259 – 271.

⁸ Там же. С. 260, 271.

⁹ *Карнап Р.* Философские основания физики. – М., 2007. С. 43.

¹⁰ Там же. С. 52 – 56.

¹¹ Там же. С. 48 – 49.

¹² Там же. С. 50.

¹³ *Карнап Р.* О протокольных предложениях / пер. с нем. А.Л. Никифорова // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1. С. 219 – 231.

¹⁴ Там же. С. 230.

¹⁵ Как по этому поводу высказалась Е.В. Вострикова, «проект формальной семантики основывается на том, что объекты обыденного опыта могут быть идентифицированы, но не на том, что они обладают независимым существованием. Если выяснится, что в действительности мы живем в матрице, то выражения нашего языка будут указывать на соответствующие иллюзии в матрице» (*Вострикова Е.В.* Имена собственные и независимость семантики от онтологии // Эпистемология и философия науки. 2012. № 2. С. 82.

¹⁶ *Devitt M., Sterenly K.* Language and Reality. – Cambridge (MA), 1999. P. 233.

¹⁷ См., например, его выступление «Аналитический реализм» во Французском философском обществе 23 марта 1911 г. (URL: <http://www.sofrphilos.fr/?idPage=34>).

¹⁸ *Никифоров А.Л.* О некоторых проблемах логической семантики // Эпистемология и философия науки. 2011. № 2. С. 97 – 109; *Никифоров А.Л.* Онтологический статус референтов имен собственных // Эпистемология и философия науки. 2012.

№ 2. С. 50 – 58; Никифоров А.Л. Чувственно-вербальное построение мира // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 34 – 54.

¹⁹ Ж. Делёз в «Различии и повторении» пишет о «блокировке» понятия (см.: Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб., 1998. С. 25 – 34).

²⁰ Вострикова Е.В. Семантика vs прагматика: современные подходы // Эпистемология и философия науки. 2011. №.4. С. 99 – 115.

²¹ Там же. С. 110.

²² «Как раз в противоборстве осязаемости и заключались чары платоновского образа мыслей, а это был благородный образ мыслей, и он имел место в среде людей, обладавших, быть может, более сильными и более взыскательными чувствами, нежели наши современники, однако видевших высшее торжество в том, чтобы оставаться господами этих чувств; и они достигали этого при посредстве бледной, холодной, серой сети понятий, которую они набрасывали на пестрый водоворот чувств, на сброд чувств, как говорил Платон. В этом одолении мира, в этом толковании мира на манер Платона было наслаждение иного рода, нежели то, какое нам предлагают нынешние физики, равным образом дарвинисты и антитеологи среди физиологов с их принципом “минимальной затраты сил” и максимальной затраты глупости. “Где человеку нечего больше видеть и хватать руками, там ему также нечего больше искать” – это, конечно, иной императив, нежели платоновский, однако для грубого, трудолюбивого поколения машинистов и мостостроителей будущего, назначение которых – исполнять только черную работу, он, может статься, и есть как раз надлежащий императив» (Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1990. С. 251).

²³ Никифоров А.Л. Онтологический статус референтов имен собственных. Ответ оппонентам // Эпистемология и философия науки. 2012. № 2. С. 92.

²⁴ Вострикова Е.В. Имена собственные и независимость семантики от онтологии. С. 82.

²⁵ Там же. С. 81.

²⁶ Вострикова Е.В. Является ли релятивизм неизбежным следствием коммуникативной рациональности? // Эпистемология и философия науки. 2008. № 3. С. 891.

²⁷ Строго говоря, это выражение принадлежит еще Лютце, лекции которого Фреге слушал в Гёттингене.

²⁸ Здесь нам важно, однако же, отметить, что Соссюр в самом начале своей работы указывает на это измерение языка, что позволяет нам считать его одним из основателей двумерной семантики.

²⁹ См.: Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург, 1990.

³⁰ Saussure F. Cours de linguistique générale. – L.: Macmillan Press, 1995. P. 156.

³¹ Ibid.

³² Chalmers D. The Foundations of Two-Dimensional Semantics. – URL: <http://consc.net/papers/foundations.html>

³³ С термином «постаналитическая философия» прежде всего связывают имя Ричарда Рорти, хотя к данной традиции относят также и Хилари Патнэма, Дональда Дэвидсона и Уилларда Куайна.

³⁴ См.: Черняк А.З. Эпистемическое измерение смысла // Мышление ученого вчера и сегодня / под ред. Л.А. Марковой. – М., 2012.

³⁵ См.: Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека.

³⁶ См. главу 5. Конструктивная функция языка. 5.1. Построение предметов (Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. С. 72 – 75).

³⁷ См. главу 8. Мир культуры (*Никифоров А.Л.* Структура и смысл жизненного мира человека. С. 123 – 145).

³⁸ См. главу 13.3. Потребительство и творчество – и следующее за ней Приложение 3. Наполеон Бонапарт (*Никифоров А.Л.* Структура и смысл жизненного мира человека. С. 222 – 236).

³⁹ *Куслий П.С.* Является ли истина денотатом предложения? // Эпистемология и философия науки. 2010. № 1. С. 82.

⁴⁰ *Ладов В.А.* Онтологическая проблематика в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2010. № 1. С. 84 – 98.

Аннотация

Статья представляет собой обзор дискуссии между сторонниками логической семантики и ее критиками в современной российской философии. Свою позицию в этом споре автор могла бы охарактеризовать как позицию взаимодополнительности, т.е. утверждения равноценности для эпистемологии двух конкурирующих стратегий в философии языка: аналитической англо-саксонской философии и логической семантики как ее методологической и концептуальной основы, с одной стороны, и постмодернистской континентальной традиции и постструктурализма как его методологического и терминологического ресурса, с другой.

Ключевые слова: аналитическая философия, постаналитическая философия, логическая семантика, структурализм, постструктурализм, постмодернизм, онтология, онтоэпистемология.

Summary

The paper contains a brief survey of a vivid discussion between those in Russian philosophy who defend the arguments of analytic philosophy and those who criticize it. The author's position may be called mutually supplementary, as she claims the both sides of this completion, represented by analytic Anglo-Saxon thought with logical semantics as its methodological and conceptual basis, on the one hand, and postmodern continental tradition reinforced by poststructuralist resource, on the other, equally valuable and, moreover, affecting each other for quite a period of time already.

Keywords: analytic philosophy, postanalytic philosophy, logical semantics, structuralism, poststructuralism, postmodernism, ontology, onto-epistemology.